

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732
EDN: GWRYGP

Научная статья / Research article

Роль посредничества во внешней политике Катар на примере конфликта в Афганистане

М.А. Шпаковская¹ , Г.В. Грызлов^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Российский совет по международным делам, Москва, Российская Федерация

 1142230176@pfur.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новых возможностей антикризисной дипломатии малых стран, что стало особенно заметным явлением в условиях растущей нестабильности международной ситуации. Будучи небольшим по масштабам государством, Катар за последние десятилетия приобрел статус активного участника мировой политики, способного оказывать влияние на международные и региональные процессы. Во многом Катар добился этого благодаря ставке на оказание посреднических услуг в урегулировании международных кризисов и споров на Ближнем Востоке и в Афганистане. Цель исследования — выявление особенностей стратегии посредничества Катара на фоне меняющихся региональных и глобальных геополитических условий, а также инструментов, которые помогли стране столь быстро стать авторитетным медиатором для международного сообщества. Новизна исследования заключается в изучении феномена посредничества Государства Катар как одного из ключевых механизмов по повышению его международной значимости с фокусом на медиацию Дохи при урегулировании афганской проблемы. Применены такие методы, как историко-сравнительный метод, дискурс-анализ и кейс-стади. Авторы приходят к выводу, что Катар смог быстро завоевать доверие международного сообщества как посредник благодаря прагматичной стратегии балансирования, активному использованию собственных финансовых возможностей и тому обстоятельству, что он был новым игроком на мировой арене, который, как считалось, не имеет глубинной политической повестки при участии в урегулировании конфликтов. Вместе с тем дипломатические кризисы 2011–2013 гг. и 2017–2021 гг. негативно сказались на имидже Катара как нейтрального актора, что вынудило его пересмотреть свою посредническую стратегию. Результативное посредничество Катара при заключении сделки США с талибами вернуло Дохе авторитет беспристрастного регионального и глобального медиатора и открыло стране новые возможности для продвижения своего влияния в мировой политике, нейтрализовав негативные последствия дипломатических кризисов.

Ключевые слова: переговоры, мирный процесс, урегулирование конфликтов, антикризисная дипломатия, Ближний Восток, Талибан, США

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Шпаковская М.А.: научное руководство исследованием, концептуализация, разработка методологии исследования, редактирование рукописи. Грызлов Г.В.: проведение анализа, написание — подготовка черновика рукописи, оформление библиографии, валидация источников. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Шпаковская М.А., Грызлов Г.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шпаковская М.А., Грызлов Г.В. Роль посредничества во внешней политике Катара на примере конфликта в Афганистане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 721–732. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732>

Role of Mediation in Qatar's Foreign Policy: A Case of the Afghan Conflict

Marina A. Shpakovskaya¹ , Gleb V. Gryzlov^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Russian International Affairs Council, Moscow, Russian Federation

✉ 1142230176@pfur.ru

Abstract. The present study is of particular relevance as it seeks to demonstrate the new possibilities of crisis diplomacy for small countries, a topic that has gained additional significance in an increasingly unstable international situation. In recent decades, Qatar, being a small state, has acquired the status of an active actor in world politics, capable of influencing international and regional processes. This is largely due to its reliance on mediation in the settlement of international crises and disputes. The aim of the article is to identify the specifics of Qatar's mediation strategy in the context of evolving regional and global geopolitical conditions and the tools that have enabled the country to quickly establish itself as a credible mediator within the international community. The scientific novelty of the research lies in the separate study of the phenomenon of Doha's mediation as one of the key mechanisms for enhancing Qatar's international standing, focusing on Doha's mediation in resolving the Afghan issue. The study relies on a historical and comparative method, discourse analysis, case study. The authors conclude that Qatar was able to gain the trust of the international community as a mediator due to its pragmatic balancing strategy, active use of its own financial capabilities. As a new player on the international stage, the state was considered to have no hidden agenda when engaging in conflict resolution. However, the diplomatic crises of 2011–2013 and 2017–2021 undermined Qatar's reputation as a neutral actor, forcing it to adapt its mediation strategy, as mediation of the US — Taliban negotiations demonstrated. Qatar's effective mediation of the US — Taliban deal has restored Doha's credibility as an unbiased regional and global mediator and opened up new opportunities for the country to promote its influence in global politics, neutralizing the negative effects of the diplomatic crises.

Key words: negotiations, peace process, conflict resolution, crisis diplomacy, Middle East, Taliban, USA

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 102502-2-000.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. M.A. Shpakovskaya: study supervision, conceptualization, development of research methodology, editing of the manuscript. G.V. Gryzlov: analysis, writing and preparation of a draft manuscript, bibliography design, validation of sources. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Shpakovskaya, M.A., & Gryzlov, G.V. (2025). Role of mediation in Qatar's foreign policy: A case of the Afghan conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 721–732. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732>

Введение

В последние годы на Ближнем Востоке наметился тренд на повышение политической активности и самостоятельности региональных игроков, которые оказывают все

большее влияние на региональные и внерегиональные процессы (Звягельская, 2022, с. 58). Особенно заметным в международных делах становится участие монархий Персидского залива, таких как Королевство Саудовская

Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Султанат Оман и Государство Катар. Последний одним из первых среди малых держав Персидского залива взял курс на выстраивание самостоятельной внешней политики и формирование собственной политической идентичности, стремясь в том числе выйти из-под влияния Эр-Рияда, много лет единолично доминировавшего на Аравийском полуострове. Помимо отстаивания своего суверенитета на фоне давления более крупного соседа Катар, реализуя собственную внешнеполитическую стратегию, стремится также защитить свои энергетические маршруты и сохранить устойчивый спрос на энергоресурсы, и с этой целью страна вовлекается в процессы по поддержанию региональной стабильности.

Для решения собственных задач Доха использует различные инструменты, однако визитной карточкой Катара стало оказание посреднических услуг при урегулировании международных и региональных кризисов. За последние три десятилетия монархии удалось завоевать репутацию надежного медиатора, на ее счету не менее десятка успешных кейсов международного посредничества.

Целью данного исследования является выявление особенностей стратегии посредничества Катара в условиях региональных и глобальных геополитических трансформаций. Проанализирован кейс Катара, которому удалось за короткий срок стать авторитетным медиатором для международного сообщества, и процесс адаптации катарского подхода к посредничеству конфликтов к новым условиям, связанным с катарским дипломатическим кризисом 2017–2021 гг.

В российской историографии роль Катара как посредника в урегулировании кризисов и международных конфликтов освещена достаточно скромно. Комплексный анализ внешнеполитической линии Дохи, элементом которой является медиация конфликтов, проведен в работе Т. И. Тюкаевой (Тюкаева, 2023). Посреднической деятельности Катара, прежде всего в афганском конфликте, также уделено внимание в статье Е. С. Мелкумян (Мелкумян, 2022). При этом в англоязычной

научной литературе тема катарского посредничества в разные временные периоды проанализирована весьма обстоятельно (Kamrava, 2011; Minich, 2015; Alqashouti, 2021; Milton, Elkahlout & Tariq, 2023).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления новой роли малых держав, стремящихся брать на себя все большую ответственность в международных делах на фоне роста региональной и глобальной геополитической напряженности. На современном этапе, когда система международных отношений находится в состоянии перманентной нестабильности, возникновение новых и эскалация прежних конфликтов становится обыденностью. Поскольку сама система и существующие в ее рамках институты зачастую не способны разрешать текущие кризисы, повышается значение отдельных участников системы, причем все более активную роль берут на себя малые страны, готовые предложить свои посреднические услуги конфликтующим сторонам. В этих условиях весьма востребованным представляется изучение опыта таких небольших, но влиятельных игроков, как Катар.

В качестве теоретической рамки исследования используются концепции, объясняющие специфику внешней политики малых держав и их способность преодоления структурных ограничений за счет политики многовекторности, балансирования и применения инструментов «мягкой силы» (Miller & Al-Mansouri, 2016; Miller & Verhoeven, 2020; Al-Tamimi, Amin & Zarrinabadi, 2023). Кроме того, большое внимание уделяется исследованиям международного посредничества, позволяющим проанализировать основные функции медиатора при урегулировании международных конфликтов (Schrodt & Gerner, 2004; Kamrava, 2011).

Методологически исследование опирается на сочетание историко-сравнительного метода, дискурс-анализа и кейс-стади. Историко-сравнительный метод помогает проследить эволюцию внешнеполитической стратегии Катара и его подходов к посредничеству. Дискурс-анализ позволяет

проанализировать официальные заявления и риторику катарского руководства, формирующие образ государства-медиатора. Кейс-стади применяется для разбора основных инструментов посреднической деятельности Катара на примере американо-талибского урегулирования.

Посредничество во внешней политике Катара

Традиционно роль посредников при урегулировании военных конфликтов или политической напряженности между государствами отводилась крупным и средним державам, имевшим заметное влияние на международные процессы и непосредственные стороны конфликта, что было актуально как для глобального, так и регионального уровня. На Ближнем Востоке в качестве ключевого посредника всегда стремились выступать крупнейшие государства региона — Саудовская Аравия и Египет (Kamrava, 2011, p. 541). Однако начиная с XXI в. наибольшие успехи в роли медиатора демонстрирует Катар — одно из самых маленьких государств Ближнего Востока.

Катар можно назвать относительно молодым игроком на мировой арене, поскольку самостоятельную внешнюю политику страна фактически не вела вплоть до середины 1990-х гг., оставаясь в тени ключевого и крупнейшего государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — Саудовской Аравии. Только с приходом к власти шейха Хамада ибн Халифа Аль Тани в 1995 г. Доха приобретает внешнеполитическую самоидентификацию

и берет курс на повышение своего регионального и глобального влияния (Тюкаева, 2023, с. 96). Стремясь подчеркнуть свою уникальность и независимость от других монархий Персидского залива, в первую очередь от Саудовской Аравии, которая стала рассматриваться руководством Катара как основной источник угроз собственной национальной безопасности (Roberts, 2016, p. 13), Доха начала проводить прагматичную и многомерную внешнюю политику (Miller & Verhoeven, 2020, p. 10). Так, руководство Катара сделало ставку на применение инструментов «мягкой силы», усилив влияние страны благодаря приобретению статуса «газовой сверхдержавы» и укрепив безопасность за счет союза с Соединенными Штатами¹, а также активизировало внешнеполитические контакты с крупными международными игроками и влиятельными, в том числе негосударственными, акторами на Ближнем Востоке (Тюкаева, 2023, с. 97). Однако ключевой особенностью катарской внешней политики стало посредничество.

Законодательно нацеленность Катара на выполнение посреднической миссии в регионе была закреплена в ст. 7 Конституции Государства Катар, принятой в результате референдума в 2003 г. и содержащей положение о приверженности страны мирному разрешению международных споров и готовности выступить при необходимости посредником между сторонами конфликта². В заявлениях официальных лиц Катара также декларируется стремление страны содействовать урегулированию конфликтов путем диалога и подчеркивается ключевое значение посредничества для ее внешней политики³. Особое значение посреднической миссии для внешней

¹ Steinberg G. Qatar's Foreign Policy: Decision-Making Processes, Baselines, and Strategies // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2023. No. 4. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/271033/1/1841882623.pdf> (accessed: 21.06.2025).

² The Permanent Constitution of the State of Qatar // UNHCR. 2004. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2004/en/101710> (accessed: 08.04.2025).

³ См.: Official Spokesperson for Ministry of Foreign Affairs Reviews Successes of Qatari Diplomacy During Middle East Global Summit in New York // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. September 21, 2023. URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/1445/03/06/official-spokesperson-for-ministry-of-foreign-affairs-reviews-successes-of-qatari-diplomacy-during-middle-east-global-summit-in-new-york> (accessed: 21.06.2025); Atallah S. Mediation Remains Backbone of Qatar's Foreign Policy: Al-Khulaifi // *The Peninsula*. April 30, 2025. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/30/04/2025/mediation-remains-backbone-of-qatars-foreign-policy-al-khulaifi> (accessed: 21.06.2025).

политики отмечено и на сайте Министерства иностранных дел Государства Катар, где перечислены случаи участия страны в урегулировании конфликтов в роли медиатора начиная с 2004 г.⁴ В целом желание Дохи играть роль миротворца в таком конфликтном регионе, как Ближний Восток, выглядит логично и целесообразно, однако примечательно то, насколько быстро Катару удалось достичь статуса успешного регионального посредника, учитывая его достаточно позднюю активизацию на мировой политической арене.

Еще в декабре 1995 г., сразу после прихода шейха Хамада к власти, Катар выступил посредником между Йеменом и Эритреей в ходе конфликта вокруг архипелага Ханиш (Minich, 2015, p. 129). С тех пор Доха неоднократно успешно выступала медиатором в урегулировании различных региональных и международных конфликтов. Так, в 2007 г. Катар помог достичь соглашения о прекращении огня между хуситами и правительством Йемена, в 2008 г. — содействовал разрешению внутривосточного кризиса в Ливане, в 2011 г. в Дохе было подписано мирное соглашение между руководством Судана и повстанческой группировкой «Движение за освобождение и справедливость». В 2012 г. катарская сторона помогла заключить соглашение на пути к примирению между палестинскими фракциями «Движение палестинского национального освобождения» (ФАТХ) и «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС), а в 2020 г. в столице Катара при его активном и многолетнем посредничестве было заключено соглашение между США и движением «Талибан» (ДТ). Среди аналогичных, хотя и менее масштабных примеров успешного посредничества Дохи можно выделить соглашение о прекращении огня между Эритреей и Джибути в 2010 г., примирение ливийских племен туарегов и тубу в 2015 г., мирное соглашение между

правительством Чада и представителями оппозиции в 2022 г. и поддержку мирного урегулирования политического кризиса в Ливии (Milton, Elkahout & Tariq, 2023, pp. 57–58). Наиболее актуальным примером результативного посредничества Катара стала его медиация при заключении весной 2025 г. соглашения о прекращении огня между правительством Демократической Республики Конго (ДРК) и повстанческой группировкой «Движение 23 марта» (М23)⁵.

Заинтересованность сторон многих конфликтов в посреднических услугах Дохи отчасти объясняется их согласием на медиацию спора беспристрастной стороной, которая не стремится получить практическую выгоду и не действует в интересах одного из участников. В то время как крупные региональные державы, такие как Египет и Саудовская Аравия, традиционно рассматривались как активные региональные игроки, использующие посредничество как инструмент для реализации и продвижения собственной политической повестки, Катар как государство, только недавно взявшее курс на проведение самостоятельной внешнеполитической линии, вплоть до 2010-х гг. воспринимался как честный посредник и успешно культивировал этот образ (Kamrava, 2011, p. 543).

Другим фактором, позволяющим Дохе выступать результативным посредником при урегулировании конфликтных ситуаций, можно назвать ее существенные финансовые возможности. Будучи одним из крупнейших экспортеров сжиженного природного газа (СПГ) в мире, Катар активно использовал полученные от продажи ресурсов средства в своих внешнеполитических целях (Al-Tamimi, Amin & Zarrinabadi, 2023, p. 51). Согласно исследованиям, материальные стимулы, которые медиатор готов предложить сторонам конфликта в случае урегулирования, могут оказать положительное влияние

⁴ Qatar Mediation Efforts // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/mediation/mediation> (accessed: 07.06.2025).

⁵ Mureithi C. DRC Government and M23 Agree to Halt Fighting and Work Towards Truce // The Guardian. April 24, 2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/apr/24/drc-government-and-m23-make-surprise-truce-to-end-fighting-in-east-of-country> (accessed: 20.05.2025).

на результаты переговоров (Schrodt & Gerner, 2004, p. 322). Посредник может предложить прямые выплаты одной из сторон для прекращения конфликта либо — что происходит значительно чаще — пообещать вложить свои инвестиции в различные инфраструктурные проекты конфликтующих сторон. Так, Катар был готов активно вкладываться и оказывать материальную помощь государствам, которым страна предоставляла посреднические услуги⁶. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, подобный подход, к которому активно прибегает Доха, зачастую приводит лишь к временным сделкам, заключаемым сторонами с целью получения краткосрочной материальной выгоды, но не устраняет коренных причин конфликта, что оставляет возможность для возникновения новых противоречий между его участниками⁷.

Важно отметить, что в своей внешней политике Катар традиционно руководствовался стратегией балансирования: помимо поддержания тесных отношений с ключевым крупным союзником в лице США катарское руководство всегда стремилось быть важным партнером для многих ближневосточных и внерегиональных государств (Тюкаева, 2023, с. 98). Тесные военно-политические связи сложились между Катаром и Турцией (Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019), Францией и другими европейскими государствами (Miller & Al-Mansouri, 2016). Несмотря на конкуренцию с Саудовской Аравией, Катар всегда сохранял приверженность участию в ССАГПЗ, считая организацию неотъемлемым элементом для выстраивания собственной безопасности

(Kabalan, 2019, p. 71). При этом Доха неоднократно занимала особую позицию среди стран ССАГПЗ и была, например, открыта для поддержания контактов с Израилем и развития взаимовыгодных отношений с Ираном, за что неоднократно подвергалась критике со стороны других монархий Персидского залива (Тюкаева, 2023, с. 99). Подобный подход руководства Катара демонстрирует мировому сообществу нейтральный статус страны и ее готовность к выстраиванию конструктивного взаимодействия с любыми международными игроками, что повышает доверие к Дохе как к потенциальному беспристрастному посреднику.

Еще одной примечательной особенностью внешнеполитической деятельности Катара является активная работа с исламистскими движениями на Ближнем Востоке, претендующими на получение реальной политической силы в различных частях региона. Наиболее тесные исторические связи у Дохи сложились с ассоциацией «Братья-мусульмане»⁸, которая в период 2011–2013 гг. в ходе «арабской весны» стала главным проводником интересов Катара в регионе, что привело к первому кризису в отношениях страны с другими влиятельными региональными державами, осудившими действия катарского руководства по поддержке оппозиции в ряде ближневосточных государств (Тюкаева, 2023, с. 100). Катар установил тесные связи и с другими региональными движениями, признанными в ряде стран террористическими, включая палестинский ХАМАС и ливанскую «Хизбаллу». И хотя некоторые видят в действиях катарского

⁶ См.: Qatar to Complete Purchase of Sudan Government Bonds by End of April // Sudan Tribune. April 11, 2012. URL: <https://sudantribune.com/article/41613> (accessed: 08.04.2025); Qatar Paid \$1.1bn to Gaza since 2012 // Middle East Monitor. February 11, 2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20190211-qatar-paid-1-1bn-to-gaza-since-2012/> (accessed: 08.04.2025).

⁷ Ulrichsen K.C. Qatar and the Arab Spring: Policy Drivers and Regional Implications // Carnegie Endowment for International Peace*. 2014. P. 6. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/qatar_arab_spring.pdf (accessed: 08.04.2025). *Деятельность международной неправительственной организации «Фонд Карнеги за международный мир» (Carnegie Endowment for International Peace) признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

руководства прагматизм⁹ — попытку обеспечить безопасность за счет поддержания дружественных отношений со всеми влиятельными силами региона, — поддержка исламистских сил вкупе с развитием сотрудничества с Ираном и чрезмерным влиянием в регионе телеканала «Аль-Джазира» привели к серьезнейшему кризису в отношениях Дохи с другими государствами Ближнего Востока (Мелкумян, 2019, с. 128).

В 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали дипломатические отношения с Государством Катар и объявили стране экономическую блокаду, которая продлилась вплоть до 2021 г. За четыре года, пока Катар прилагал усилия по выходу из кризиса, стране удалось достаточно успешно адаптироваться к новым условиям (Umar & Ghurab, 2023). Вместе с тем региональный авторитет Дохи был во многом подорван, поэтому стране пришлось активизировать свою внешнеполитическую внерегиональную деятельность и сделать ставку на укрепление отношений с Соединенными Штатами, чему заметно помогла роль Катара как посредника при урегулировании конфликтов.

Роль Катара в американо-талибском урегулировании и афганском мирном процессе

Завершение затянувшейся военной кампании США в Афганистане много лет оставалось одной из приоритетных задач для американского истеблишмента. Осознав бесперспективность окончания афганской миссии военным путем, американское руководство еще с начала 2010-х гг. задумалось о достижении мирного соглашения со своим противником в лице ДТ. Однако выйти

на прямые переговоры с группировкой без участия надежного посредника не представлялось возможным, и в этой ситуации ключевую роль сыграла Доха.

Несмотря на то, что официальный процесс по достижению соглашения США с талибами при посредничестве Катара был запущен лишь в июле 2018 г. (Мачитидзе, 2020, с. 66), услуги посредника страна начала оказывать гораздо раньше. Еще в 2013 г. движение «Талибан» открыло свой первый политический офис в Дохе, что ознаменовало определенную готовность группировки не только проводить боевые операции, но и вести политический диалог с различными сторонами, в первую очередь с Вашингтоном. Талибы выбрали местом своей дислокации именно Катар, поскольку считали эту страну по-настоящему нейтральной¹⁰. США также позитивно оценили Катар как потенциального медиатора, чему, безусловно, содействовал его накопленный посреднический опыт и стратегия балансирования. Таким образом, офис талибов в Дохе превратился в площадку для конфиденциальных контактов представителей движения с международным сообществом.

Не менее значимым шагом со стороны Катара стало содействие в обмене пяти заключенных в Гуантанамо высокопоставленных командиров движения на американского военнослужащего. Сам верховный лидер талибов мулла Омар поблагодарил эмира Катара за помощь, а глава Министерства иностранных дел Катара заявил, что в своих посреднических усилиях Доха руководствуется исключительно гуманистическими принципами¹¹.

С начала официальных американо-талибских переговоров в Дохе Катар оказывал важную политическую и техническую поддержку при проведении каждого

⁹ Chandrasekaran R. Qatar's Friends-With-Everyone Approach Rankles Some of Its Persian Gulf Neighbors // *The Washington Post*. October 4, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/qatars-friends-with-everyone-approach-rankles-some-of-its-persian-gulf-neighbors/2014/10/04/b89977f8-4a7b-11e4-b72e-d60a9229cc10_story.html (accessed: 08.04.2025).

¹⁰ How Qatar Came to Host the Taliban // *BBC*. June 22, 2013. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-23007401> (accessed: 09.04.2025).

¹¹ Taliban Five Arrive in Qatar After Swap Deal // *Al Jazeera*. June 1, 2014. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2014/6/1/taliban-five-arrive-in-qatar-after-swap-deal> (accessed: 09.04.2025).

переговорного раунда, а также председательствовал во время сессий. Кроме того, катарскому руководству приходилось прибегать к «челночной дипломатии», когда переговоры начинали буксовать (Milton, Elkahlout & Tariq, 2023, p. 61). Так, например, после убийства в сентябре 2019 г. талибами американских солдат и заявлений Д. Трампа о том, что переговоры США и группировки «мертвые»¹², Катар помог их возобновить, оказав сторонам содействие в очередном обмене заключенными¹³.

Спустя более чем полтора года поддержания контактов и приложения дипломатических усилий 29 февраля 2020 г. в Дохе Соединенные Штаты и ДТ подписали мирное соглашение, по которому обе стороны брали на себя определенные обязательства: Вашингтон должен был постепенно снизить свое военное присутствие в Афганистане и полностью вывести контингент в установленные сроки, а талибы — препятствовать использованию афганской территории против США и их союзников и начать мирные переговоры с официальным правительством Исламской Республики Афганистан¹⁴.

Катар, который на протяжении нескольких лет всячески содействовал продвижению контактов американцев с талибами, тем не менее неоднократно подчеркивал, что не принимал непосредственного участия в обсуждении и достижении договоренностей между ними и не брал на себя обязательств по гарантии выполнения соглашений. Официальные лица страны отмечали непредвзятый характер Дохи как медиатора и заявляли, что

посредничество в урегулировании афганской проблемы является частью превентивной дипломатии Катара в условиях обострения региональных конфликтов (Мелкумян, 2022, с. 185).

Более того, Катар согласился продолжать оказывать свои посреднические услуги и на следующем этапе урегулирования афганского конфликта — начавшихся 12 сентября 2020 г. в Дохе переговорах между официальным правительством в Кабуле и оппозицией в лице талибов. Международное сообщество приветствовало начало межафганского диалога и выразило благодарность Катару за его усилия по примирению сторон¹⁵. При этом переговоры велись непосредственно самими афганскими сторонами, без присутствия формальных посредников в зале в ходе сессий. Исключением стала помощь катарского спецпредставителя по Афганистану Мутлака аль-Кахтани переговорным делегациям по разрешению процедурного вопроса в ноябре 2020 г.¹⁶

Несмотря на все усилия со стороны Катара, за несколько месяцев переговоров стороны так и не смогли достичь какого-либо прогресса. Ситуация осложнялась продолжавшимися боевыми действиями между проправительственными силами и талибами, а также растущим силовым давлением на официальный Кабул со стороны талибов. После того как стало очевидно, что вступивший в должность президент США Дж. Байден взял курс на окончательное завершение афганской миссии, судьба межафганского диалога была предпрешена. По мере того как контингент

¹² Trump Says US — Taliban Peace Talks Are 'Dead' // Al Jazeera. September 9, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/9/9/trump-says-us-taliban-peace-talks-are-dead> (accessed: 09.04.2025).

¹³ Taliban Commanders 'Land in Qatar' as Part of Prisoner Swap Move // Al Jazeera. November 20, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/20/taliban-commanders-land-in-qatar-as-part-of-prisoner-swap-move> (accessed: 09.04.2025).

¹⁴ США и «Талибан» подписали мирное соглашение // ТАСС. 29.02.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7868699> (дата обращения: 09.04.2025).

¹⁵ Security Council Thanks Qatar for Facilitating Afghan Peace Negotiations // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/1442/02/01/security-council-thanks-qatar-for-facilitating-afghan-peace-negotiations> (accessed: 09.04.2025).

¹⁶ Adili A. Y. Intra-Afghan Talks (1): Rules of Procedure Agreed, but Still No Agenda as Talks Resume // Afghanistan Analysts Network. January 3, 2021. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/intra-afghan-talks-1-rules-of-procedure-agreed-but-still-no-agenda-as-talks-resume/> (accessed: 09.04.2025).

Соединенных Штатов покидал афганскую территорию, боевые операции ДТ против правительственных сил становились все более успешными, что в конечном итоге привело к падению Кабула 15 августа 2021 г. и созданию Исламского Эмирата Афганистан под властью талибов.

Для многих такая скорая военная победа талибов и срыв межафганского диалога стали неожиданностью. Эти события значительно повлияли и на отношение к американо-талибской сделке: например, бывший глава Центрального разведывательного управления США и командующий миссией Организации Североатлантического договора (НАТО) в Афганистане Дэвид Петреус назвал ее «одним из худших дипломатических соглашений в истории Соединенных Штатов»¹⁷. Возможно, последствия соглашения заставляют усомниться в его эффективности и целесообразности его заключения, однако они никак не влияют на восприятие самого процесса диалога между США и ДТ, как и на центральную роль Катара. Соглашение в Дохе — большой успех для катарской внешней политики, который подтвердил репутацию Катара как ключевого регионального и глобального посредника, готового предоставить свою площадку для переговоров и оказать содействие в урегулировании споров.

Кроме того, развитие событий вокруг афганского конфликта позитивно сказалось на международном авторитете Дохи. Так, Катару удалось достаточно оперативно эвакуировать из Афганистана 60 тысяч афганских граждан и тысячи иностранцев, что было возможно только при координации с талибами (Milton, Elkahlout & Tariq, 2023, p. 62). Благодаря хорошим отношениям Катара с ДТ Доха превратилась в центр дипломатической активности, выполняя функции проводника между талибским правительством и международным сообществом. Также многие государства перенесли свои

дипломатические миссии из Кабула в столицу Катара. Именно Доха стала той площадкой, где страны, не имеющие дипломатических отношений с новым афганским правительством, могут осуществлять контакты с талибами (Мелкумян, 2022, с. 187).

Таким образом, действия Катара на афганском направлении, начиная с выстраивания конструктивных отношений с талибами и посредничества в американо-талибском диалоге и заканчивая оказанием гуманитарной поддержки Афганистану после событий 2021 г., привели к росту регионального и глобального влияния Дохи.

Развитие катарской стратегии посредничества

Анализ посредничества Катара при попытке урегулировать афганский конфликт позволяет выявить ряд новых черт катарского подхода к медиации.

Во-первых, успех заключения американо-талибской сделки позволил стране восстановить репутацию эффективного и беспристрастного посредника, готового содействовать разрешению даже самых тяжелых и длительных кризисов. Вашингтон долгое время не мог найти способ завершить военную операцию в Афганистане, и именно результативное посредничество Дохи, которая даже в самых сложных ситуациях могла помочь выйти из тупика, позволило США и их союзникам свернуть афганскую миссию НАТО. Также во время межафганских переговоров именно благодаря включенности Катара стороны достаточно быстро договорились о процедурных вопросах, что стало единственным внятным прогрессом за месяцы их диалога.

Во-вторых, после обвинений региональными державами Катара во вмешательстве во внутренние дела других стран его руководство стало более осторожным в своей внешней

¹⁷ Petraeus D. Afghanistan Did Not Have to Turn Out This Way // *The Atlantic*. August 8, 2022. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/08/us-withdrawal-afghanistan-strategy-shortcomings/670980/> (accessed: 09.04.2025).

политике. Доха готова активно содействовать разрешению конфликтных ситуаций только тогда, когда в этом заинтересованы обе стороны, а одностороннего вмешательства страна старается избегать (Milton, Elkahlout & Tariq, 2023, p. 70). И США, и ДТ были заинтересованы в заключении соглашения и были уверены в позитивной роли Катара как посредника — этим можно объяснить его активную роль в продвижении мирной инициативы и его усилия по преодолению тяжелых ситуаций в процессе переговоров.

При этом Катар не стремится идти на риск и активно включаться в те переговоры, которые с высокой вероятностью будут провальными, поскольку провал может нанести удар по его репутации. Это объясняет достаточно отстраненное участие катарцев в межафганских переговорах, на которых афганцы и сами не хотели привлекать представителей других стран. Провал мирного процесса нельзя связать с действиями Дохи как посредника, поскольку изначально интересы сторон были слишком разные, а позиции одной из них — талибов — начали со временем усиливаться настолько, что своих целей она смогла достичь и без переговоров.

В-третьих, в случае с Афганистаном Катар не стал прибегать к материальным стимулам для подталкивания сторон конфликта к мирному урегулированию, что было присуще раннему опыту катарского посредничества. С критикой в «подкупе» сторон Катар сталкивался при урегулировании кризиса в Йемене в 2007 г.¹⁸, при попытке достичь прекращения огня между Израилем и ХАМАС в 2009 г. (Rabi, 2009, p. 459) и при разрешении кризиса вокруг Дарфура в 2010 г.¹⁹ Во всех этих случаях Катар был готов предоставить отдельным

сторонам конфликта значительные суммы на развитие и восстановление. Однако недавнее посредничество Катара в решении афганской проблемы показывает, что материальные стимулы больше не являются приоритетной стратегией для Дохи, хотя сам Афганистан как в республиканский период, так и при талибах остро нуждается во внешних инвестициях.

Таким образом, на примере ситуации с афганским конфликтом становится заметно, что посредническая политика Катара претерпела определенные изменения. Очевидно, что для Дохи посредничество — один из ключевых инструментов внешней политики, который она стремится использовать грамотно и куда более осторожно, чем раньше, чтобы как можно сильнее дистанцироваться от тех обвинений, с которыми страна столкнулась во время дипломатических кризисов в 2011–2013 гг. и 2017–2021 гг.

Заключение

За последние несколько десятилетий Государство Катар сумело выйти из-под влияния Саудовской Аравии, сформировать суверенную внешнюю политику, превратиться во влиятельного ближневосточного игрока и повысить свою значимость на мировой арене, чему во многом способствовала последовательная политика Дохи по содействию в урегулировании международных кризисов. При этом расширилась и роль Катара как посредника: от помощи в разрешении небольших локальных столкновений и споров в регионе страна перешла к посредничеству в крупных вооруженных конфликтах, таких как афганская проблема или текущий конфликт между Израилем и ХАМАС²⁰.

¹⁸ Yemen: Defusing the Saada Time Bomb // Crisis Group Middle East Report. 2009. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/icg/0016493/f_0016493_14249.pdf (accessed: 09.04.2025).

¹⁹ Donors Conference Approves Qatar's Proposal of Establishing Darfur Development Bank // ReliefWeb. March 21, 2010. URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/donors-conference-approves-qatars-proposal-establishing-darfur-development-bank> (accessed: 09.04.2025).

²⁰ Аль-Малки Ф.Х., Садыгзаде М. Феномен малой державы: Государство Катар как часть мирового большинства // Российский совет по международным делам. 14.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-maloy-derzhavy-gosudarstvo-katar-kak-chast-mirovogo-bolshinstva/> (дата обращения: 14.04.2025).

Накопленный опыт в урегулировании споров различного масштаба в совокупности с умением эффективно организовать переговорный процесс позволили Катару завоевать репутацию результативного и беспристрастного медиатора как на Ближнем Востоке, так и за его пределами. Это ярко продемонстрировал в том числе недавний конфликт в Демократической Республике Конго, где именно Катару, а не Африканскому союзу или странам Европы удалось собрать за столом переговоров руководителей ДРК и Руанды, оказывающей поддержку группировке М23²¹. И хотя стороны неоднократно возобновляли ведение боевых действий, а полноценное урегулирование конфликта в ближайшем будущем маловероятно, стороны по-прежнему видят в Дохе главную площадку для переговоров²².

Кроме того, активная вовлеченность Катара в посредничество на переговорах между США и талибами позволила стране в целом закрепить за собой статус одного из важнейших игроков на афганском направлении, что еще сильнее укрепило геополитические позиции Катара, если учесть, насколько актуальным до сих пор остается вопрос Афганистана в международной повестке.

Изучение опыта Катара подтверждает, что малые государства могут играть значимую роль в мировой политике, если их руководство способно выработать долгосрочную и эффективную внешнеполитическую линию, включающую прагматизм, дипломатическую гибкость, умение балансировать и адаптироваться к меняющимся условиям. Поэтому крайне важно учитывать их присутствие на мировой арене и выстраивать с ними конструктивные отношения.

Поступила в редакцию / Received: 14.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 09.09.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Васильев А. М., Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. Часть 1 // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2–9. <https://doi.org/10.31857/s032150750006519-2>; EDN: HOCDDWO
- Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 6. С. 55–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05>; EDN: NUMSJI
- Мачитидзе Г. Г. США — Талибан: сравнительный анализ этапов переговоров // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 1. С. 65–74. EDN: ACFKWN
- Мелкумян Е. С. Катар и «Талибан» в контексте изменения ситуации в Афганистане // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2022. № 4. С. 182–193. <https://doi.org/10.31857/s086919080020625-4>; EDN: ASYZWW
- Мелкумян Е. С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11, № 1. С. 108–137. EDN: VBNHYYE
- Тюкаева Т. И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 10. С. 94–107. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-94-107>; EDN: NGRYDA
- Alqashouti M. Qatar Mediation: From Soft Diplomacy to Foreign Policy // *Contemporary Qatar* / ed. by M. Zweiri, F. Al-Qawasmi. Singapore : Springer Singapore, 2021. P. 73–92. https://doi.org/10.1007/978-981-16-1391-3_6

²¹ Гамандий-Егоров М. Катар в роли посредника между Руандой и ДР Конго // *Новое Восточное Обозрение*. 24.03.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/03/24/katar-v-rol-i-posrednika-mezhdu-ruandoj-i-dr-kongo/> (дата обращения: 20.05.2025).

²² Mills A., Rolley S. Congo and M23 Rebels Resume Peace Talks in Doha, Sources Say // *Reuters*. May 6, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/congo-m23-rebels-resume-peace-talks-doha-sources-say-2025-05-06/> (accessed: 20.05.2025).

- Al-Tamimi N., Amin A., Zarrinabadi N.* Qatar's Nation Branding and Soft Power : Exploring the Effects on National Identity and International Stance. Cham, Switzerland : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-24651-7>
- Kabalan M.* Actors, Structures and Qatari Foreign Policy // *Al-Muntaqa*. 2019. Vol. 2, no. 2. P. 61–82. <https://doi.org/10.31430/almuntaqa.2.2.0061>
- Kamrava M.* Mediation and Qatari Foreign Policy // *The Middle East Journal*. 2011. Vol. 65, no. 4. P. 539–556. <https://doi.org/10.3751/65.4.11>
- Miller R., Al-Mansouri K.* Qatar's Foreign Policy Engagement with the European Union: Evolving Priorities of a Small State in the Contemporary Era // *Comillas Journal of International Relations*. 2016. No. 5. P. 46–64.
- Miller R., Verhoeven H.* Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. Vol. 57, iss. 1. P. 1–20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>; EDN: JNXKTN
- Milton S., Elkahlout G., Tariq S.* Qatar's Evolving Role in Conflict Mediation // *Mediterranean Politics*. 2023. Vol. 30, iss. 1. P. 53–77. <https://doi.org/10.1080/13629395.2023.2266665>
- Minich R.* Conflict Mediation: The Qatari Experience // *Historia i Polityka*. 2015. Vol. 14, no. 21. P. 121–133. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/519870.pdf> (accessed: 10.04.2025).
- Rabi U.* Qatar's Relations with Israel: Challenging Arab and Gulf Norms // *The Middle East Journal*. 2009. Vol. 63, no. 3. P. 443–459. <https://doi.org/10.3751/63.3.15>
- Roberts D.B.* The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. 2016. No. 5. P. 1–17. <https://doi.org/10.14422/cir.i05.y2016.001>
- Schrodt Ph.A., Gerner D.J.* An Event Data Analysis of Third-Party Mediation in the Middle East and Balkans // *The Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48, iss. 3. P. 310–330. <https://doi.org/10.1177/0022002704264137>; EDN: JNGONT
- Umar S., Ghurab S.* The 2017 Gulf Crisis and Changes in Qatar's Economic Landscape // *Social Change in the Gulf Region* / ed. by M.M. Rahman, A. Al-Azm. Singapore : Springer, 2023. P. 457–473. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7796-1_27

Сведения об авторах:

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 5857-3760; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shpakovskaya_ma@pfur.ru

Грызлов Глеб Владимирович — аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; программный координатор, Российский совет по международным делам; Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8; ORCID: 0009-0005-9416-2231; e-mail: 1142230176@pfur.ru